

18+

Руслан Бекуров

БЛИЗКО, НО ДАЛЕКО

Руслан Бекуров

Близко, но далеко

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39466136

ISBN 9785449391971

Аннотация

«Близко, но далеко» – сборник рассказов и рассказиков, написанных давно и недавно. Истории эти – разные: большие и маленькие, хорошие и плохие, смешные и грустные. Одни сочинялись легко и с удовольствием, другие – еле-еле. Для кого-то они будут близки, для кого-то – далеки. Ну и ладно.

Содержание

Острова и полуострова	5
Раздельное питание	8
Полиэтиленовый футбол	19
Джигиты ритма	22
Собака Кошка	29
Синие губы	32
Библиотеки	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Близко, но далеко

Руслан Бекуров

© Руслан Бекуров, 2024

ISBN 978-5-4493-9197-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Острова и полуострова

Я с детства без ума от островов. И ненавижу полуострова.

Полуостров – тот же получеловек. Ну и к чему мне любить что-то «полу», если есть настоящие цельные острова и настоящие цельные люди? Собственно, люди и есть острова. Со своими берегами, пустынными пляжами, дикой флорой и беспечной фауной.

У меня к островам особое чувство. В одиннадцать лет я зачитывался Жюлем Верном. В «Таинственном острове» кроме текста были еще подробные карты того самого острова, на котором по стечению обстоятельств оказались персонажи книжки. Они придумывали названия бухтам, заливам, холмам, горам и даже отмечали места будущих городов. То есть с нуля создавали свой мир. Как храбрые маленькие боги, бросившие вызов цивилизации.

А потом еще имелась другая настольная книга – «Кондуит и Швамбрания» Льва Кассиля. Она о том, как дети придумали себе страну-остров со своей конституцией, королем и смешными названиями географических объектов – Порт Сигар, Порт Вейн и так далее. Остров Швамбрания был в форме зуба.

Рядом с нашим домом появилась большая лужа. Однажды я тщательно срисовал ее контуры и назвал лужу Грязным морем. Отметил на карте крохотные заливы, а также пару ост-

ровов.

Вот только ближе к лету Грязное море высохло, и следующий дождь изменил размеры, силуэт и глубину. Некоторые острова безнадежно по-тихому прекратили свое существование.

Позже по воскресеньям мы бегали играть в теннис на старенький корт. Он был на другом берегу Терека – совсем близко к реке. И каждый раз после игры мы неспешно бродили по заброшенному берегу. Кидали плоские камни, строили заводи и жрали пыльную малину.

Тогда-то я и заметил пару НАСТОЯЩИХ островов. Один в форме маленькой Австралии. До него было легко добраться по змейке камней. Второй – чуть больше. Он находился практически в центре реки под мостом. Вокруг острова были раскиданы маленькие островки-камни, и я сразу же решил, что это архипелаг. Недолго думая, назвал его Архипелагом Бекурова. Чем я хуже Шпицбергена?

Летом тайком от друзей я часто торчал на СВОЕМ острове. Там у меня был ловко спрятанный спичечный коробок, компас и пара ворон, которые время от времени по известной только им логике гостили в МОИХ местах. Зимой шлепать до острова по воде не очень и хотелось. И я торчал дома, придумывая названия городам, ущельям и каменистым пляжам Архипелага Бекурова. Уйдигора, Порт Аслан (почему бы и нет, если есть Порт Артур?), острова Лелека и Болека, Мыс Доброй Одежды, река Шалдон, Нарткалинские во-

допады.

Я даже составил карту полезных и бесполезных ископаемых этой маленькой, но МОЕЙ страны. Ей богу, мы были бы не хуже кого-нибудь Мадагаскара.

Ближе к лету я снова возвращался к своим островам – за зиму они умудрялись меняться. Рождались новые бухты, а старые грязные камни, умытые снегом и дождем, беспечно сверкали на солнце. В такие моменты и я был счастлив – это же безумно хорошо видеть, как меняется ТВОЯ страна. Потому как кому нужна страна, которая никогда не меняется?

Шли годы. Ну как шли – медленно, но уверенно перепрыгивали через дни. Я потерял интерес к островам как раз в то время, когда появился интерес к девчонкам. Так случается – что-то теряешь, что-то находишь. Но и девчонок я еще долго-долго воспринимал как острова – солнечные и не очень, с пляжами и без. Бывали разные. Необитаемые, таинственные, «девушки сокровищ», коралловые, вулканические. Но чаще – обычные. Как Сахалин.

Хотя я и сам-то полжизни был скучным материком. С унылым континентальным климатом и тысячами бестолковых городов.

Но каждый отпуск я собираю чемодан и покупаю билет в один конец. На Архипелаг Бекурова. Туда, где Терек бьет волнами об уйдигорские фьорды, и... и горы скрипят под ногами.

Раздельное питание

Летом в Берлине по-разному. Выходишь из дома утром – зябко, и ты поднимаешь воротник пиджака, закуриваешь сигарету, спешно направляясь к остановке электрички на Friedenau. Только открываются булочные, и запах свежего хлеба бежит за тобой, нагло преследует, и ты сдаешься, сворачиваешь в переулок, чтобы прихватить горячие булочки или французский багет с хрустящей корочкой. Ты ждешь на платформе, отламывая ломтик за ломтиком, и накрывает тебя это абсолютное чувство комфорта – внутреннего и внешнего, когда даже переполненный перрон и неуклюжие велосипедисты с велосипедами не вызывают раздражения.

Ну а чего раздражаться, если будет день, вечер, ночь, и будут хорошие люди, и у некоторых из этих людей будут фантастические груди, и мы будем фантастическими. Напьемся, забудем о плохом, и плохое наше будет берлинским хорошим, ибо нет в Берлине чего-то плохого.

Днем над городом висит немецкое солнце и жара ощущается даже тактильно. Мы торчим в аудиториях Института Гете, а в перерывах бежим через дорогу в ближайшую кафешку за ледяным Bionade. Потом сидим на скамейках в тени возле медиатеки, курим, пьем лимонад и разглядываем берлинских девчонок.

И позже приходит по-настоящему летний вечер. Люди

несут пиджаки, перекинув их через руки, в открытые окна кафешек залетает прохладный ветерок, играет ленивая музыка, и мы, уже сытые, но еще трезвые, вальяжно полулежим за столиками.

– Смотри-ка, плоская как доска!

Луис – такой. Почти как дагестанец. Пялится на девушек, отпускает сомнительные шутки. Говорит, что девушки любят, когда им грубят. В такие моменты мне стыдно за него. Или, наверное, больше за себя: я-то с ним поддерживаю разговор и даже смеюсь над его избитыми афоризмами.

– Черт, Луис, ну на фиг! Она же слышала!

– А что такого-то? Если хочешь знать, «плоская как доска» – это комплимент!

Ночь. Мы торчим на веранде бара Kirk. Плоская как доска девушка сидит через два столика от нас. С ней – типец в желтом кардигане. Смакуют коктейли и болтают. Луис допивает вторую кружку Berliner Kindl, берет сигарету и идет к ним. Я вижу, как он спрашивает что-то. Желтый кардиган протягивает зажигалку. Через пару минут мы уже с ними – распиваем бутылку холодной водки. Пить водку с берлинскими девушками – беспроегрышный вариант. Луис это знает.

– Как тебя зовут? Я Луис! А это мой друг Хетаг.

– Я Берта! А это Николас.

– Берта, в моих краях таких, как ты, называют богинями, – мурлычет Луис.

Как-нибудь я честно скажу ему, что он тупица.

– Прелесть! И в каких таких краях скучных немецких де-вушек называют богинями?

– Канада!

Луис любит свою страну. В этом нет сомнений.

– Ну а ты, Хе...

– Хетаг.

– Ну а ты, Хетаг, откуда?

– Из Владикавказа.

– Это где?

– В России.

– Как бы меня называли в твоих краях?

– В моих краях тебя бы называли немкой.

– Ух, так ты русский? – это уже Николас оживился.

– Николас пишет диссертацию о свободе слова в России, – рассказывает Берта.

– Нет, я осетин, – отвечаю я.

– Слушай, но паспорт-то у тебя русский?

– Паспорт русский.

– Тогда ты – русский!

– Нет, Николас, я осетин.

– Ладно, скажи мне честно: есть ли в России свобода слова?

– Есть. Люди болтают, что хотят. В газетах тоже полный порядок. Вот только мы свободны от свободы слова.

– Как это?

– Ну, например, министр ест детей. Об этом пишут, сни-

мают репортажи. Люди выходят на улицы. А министру плевать. Сидит себе и рассказывает о том, что есть детей это нормально и даже полезно.

– Черт, кажется, у них там полная задница со свободой слова! Берта, представляешь, министры едят детей! – это Луис, продолжается вечер канадского юмора.

– Типа того. Такие уж мы, русские. Пьем водку, играем на балалайках и едим детей. А ночью спим с медведями. Так теплее.

В какой-то момент я понял, что пью один. Николас испарился. Луис и Берта танцевали. Целовались под Sunday Morning Лу Рида. Луис – профи в таких вещах. Знает, что, как и когда сказать. Не такой уж он и дурак, этот Луис.

Спать мне пришлось в гостиной. Луис любит валяться с девчонками в моей комнате. Там, видите ли, романтичный вид из окна.

Я лежал на диване и пустыми глазами смотрел ток-шоу об ожирении. Трехтонная женщина рассказывала о себе: «Понимаете, у меня семь дипломов!»

– Семь дипломов? Когда же ты жрала?

В этот момент из комнаты выползла Берта. Как пишут в дурацких журналах, из одежды на ней были только розовые трусики. Идиотская фраза, конечно, но что-то в ней есть. Нельзя же сказать, что девушка голая, когда она в трусиках? «Полураздетая» – тоже не то. К тому же у Берты действительно были розовые трусики. Розовые трусики, боль-

шое сердце и маленькие груди.

– Хе...

– Хетаг.

– Хетаг, извини, а где тут ванная?

Из ванной Берта вышла уже в джинсовой рубашке.

– Нашла ее в корзине, – сказала она.

И еще она сказала, что не хочет спать с Луисом. Он ужасно храпит и не дает одеяло.

– Спи здесь.

– Ну, не знаю. Слушай, а что такое «немка»?

– Ну это German girl. Или German woman. Без разницы.

– Странное слово.

– Хочешь водку?

– Водка с берлинскими девушками – беспроегрышный вариант?

Мы пили водку с черешней и смотрели Somewhere Софии Копполы.

– Слушай, Берта, а ты хотела бы изменить свою жизнь?

Ну как изменить – понять, что полжизни занималась фигней, и в ту же секунду измениться?

– Измениться и изменить жизнь – как бы разные вещи.

– Ладно, тогда такой вопросик. Чего бы ты хотела больше – измениться или изменить свою жизнь?

– Подожди-ка, а я разве сказала, что хочу и то, и другое?

Если честно, даже не думала что-то менять в своей жизни. И уж тем более – изменяться. Я нравлюсь себе. И жизнь моя

мне очень даже нравится.

– Что же тебе конкретно нравится в твоей жизни?

– О господи! Не знаю. Ливень нравится. И то, как пахнет после него, тоже нравится. И даже ты мне нравишься. Вот такой, как сейчас, – пьяный в три ночи.

– То есть ты довольна?

– Наверное. Мне не о чем грустить. У меня было фантастическое детство в том маленьком курортном городке на берегу моря. И мама с папой не мешали. Я влюблялась (это уже было немного позже). Я бросала, и меня бросали. Но даже это я не хотела бы менять. Потому как, когда тебе плохо, в этом есть что-то хорошее.

– Когда тебе плохо, в этом есть что-то хорошее? Чушь какая!

– Именно так! Что-нибудь еще?

Я дал ей подушку. Она легла на диван. Я накинул на нее темно-синий плед.

– Хочешь футболку? – мне казалось, ей было не очень комфортно в этой джинсовой рубашке. – Или спи голая – я не буду тебя лапать.

Я и не лапал. И спал нормально. Берта не занимала много места. Она была плоская. Как доска.

Я, если честно, знал, что и эти непонятные отношения будут очередным «не тем». Но, как обычно, где-то глубоко таилась дикая надежда, что это как раз «то» и мы – единственное исключение из идиотских правил. Нет, конечно,

мы не исключение. Не «то» и не «те». Обычные.

Не знаю, но почему-то в прошлом мы видим только хорошее, а о плохом забываем. Получается, думаем о прошлом как о каком-то идеальном, совершенном мире. И это мешает нам жить в настоящем и будущем – мы до последнего цепляемся за это «хорошее» прошлое. Ну а что если забыть о хорошем и хранить в голове только плохое? Что если это – единственный шанс выбраться из трясины и жить дальше и, кстати, дольше? Не цепляйся за прошлое, Хетаг.

Хорошая штука – влюбляться и любить. Появляется человек, с которым хорошо, даже когда плохо. Ты сидишь плачешься ему и совсем не хочется быть одному. Ну а если один, то точно знаешь, что где-то она. Думает о тебе, знает твои странные привычки, не забывает твой день рождения и не злится, когда ты напиваешься и пишешь чепуху.

Понятно, что в любви больше эгоизма, чем любви: мы и любим-то в других себя. Но от этого она не получается нечестной. Вранье в любви как раз и проявляется в тупой болтовне о преданности и понимании. Если кто-то чешет тебе подобные штуки, беги – ни фига это не любовь.

Как-то где-то я написал, что, когда любишь по-настоящему, не думаешь о сексе. Глупая подростковая бравада. Секс и есть любовь. Даже случайный пьяный секс происходит по любви. Тебе нравится ее тело. Или щербинка между зубами. Мне кажется, это и есть любовь. Тот факт, что она быстро проходит, ни о чем не говорит. Любая любовь закан-

чивается быстрее, чем мы думаем. Ну а после мы думаем, что любим. Скажем так: мы очень любим думать, что мы любим. Мы смотрим на счастливые пары в аэропортах, и нам хочется, чтобы и у нас была такая любовь. Находим кого-то и думаем, что любим. Ну а секс – это, как мне кажется, максимально честная форма любви.

Представьте, если бы люди занимались сексом и только потом познакомились, дарили цветы и ходили по киношкам и кафе. Я думаю, это было бы честнее, естественнее и романтичней. Мы же, если честно, и ходим на свидания и ужины, чтобы в итоге оказаться в постели. Ну а если наоборот, то эти, казалось бы, циничные штуки превратились бы в реальную чистую радость. Никаких тебе целей, планов и амбиций.

Хуже, если любишь того, кто далеко и не любит тебя. Но и тут существует миллион хороших вещей. Какое кино мы любим? Фильмы о несчастной любви и грустных отношениях, которые плохо заканчиваются. Или никак не заканчиваются. Есть в этом какая-то романтика: что-то же нравится нам в этих плаксах и неудачниках! Нам нравится в них странная и, наверное, даже идиотская манера идти до конца. Идти против обстоятельств, логики и чего-то там еще. Мы смотрим, как им плохо, как они сжимают сигареты в зубах, как бегут в никуда под сентиментальные саундтреки. Смотрим и понимаем, что мы на их стороне. Даже если они и проиграют эту войну.

Так вот, когда любишь того, кто далеко и не любит тебя,

ты – «тот самый» типец из фильма. И, уж если честно, тебя мало интересует, что ты никогда не будешь с ней. Достаточно чувствовать какие-то штуки, названия которым никто еще и не придумал.

Любовь на расстоянии идеальна хотя бы потому, что не требует никаких обязательств. А обманывать себя – это, пожалуй, самая честная штука на нашей маленькой глупой планете. Ну и, потом, – люди такие красивые. Когда они далеко.

В августе Луис вернулся в Канаду. Занятия в институте закончились – я так и не сдал финальный экзамен. Но не очень и расстроился: хороший повод приехать еще.

Я много гулял по Берлину в те последние дни. Не было смысла, желания и денег напиться в барах, а потому я чувствовал странную легкость. Как будто сбросил гигантский рюкзак, с которым таскался пол-лета. И вроде как в рюкзаке этом было много душевного и теплого – того, с чем не очень и хочется расставаться. Но вот избавился от него – и хорошо.

По вечерам я любил бродить по набережной реки Шпрее. Бывает же такое: идешь, настроение неплохое, люди улыбаются и жара такая, что ну никак нельзя грустить и отплевываться. И вот гуляешь ты, пялишься в каждую вторую витрину, и каждая вторая витрина кажется тебе такой красивой, что хочется написать о ней рассказ.

– Эй, Хетар!

На другом берегу в кафешке на Markisches Ufer сидела

Берта. Я доплелся до моста Гертруды и через пару минут ужепил с ней яблочный Bionade. Не с Гертрудой, конечно. С Бертой.

– Как ты, дружище? – спросила Берта.

– Нормально!

– А я вот в Венецию собираюсь. Не хочешь со мной?

– Нет, мне и здесь неплохо.

На Markisches Ufer гуляют люди. Идут себе, никуда не спешат, будто смакуют последние дни своей жизни. Я сижу с красивой и умной девушкой, смотрю на гуляющих людей и думаю о том, что, наверное, и я хочу так жить. Без нытья и размышлений. Жить и наслаждаться жизнью, которая еще осталась. А в той жизни, которая прошла, уже ничего не исправить. И никого не вернешь – как бы ты этого ни хотел.

Если так и не понял, каким был дураком и в какой-то момент профукал свой шанс, нечего думать об этом сейчас. Подмигни этой девушке – кто его знает, как у тебя с ней получится. Это же только кажется, что такой, как она, больше не будет. Будет другая. Будут еще миллионы других. Хуже, конечно, но какая уже разница?

– А почему Венеция?

– Смотри – миллион счастливых людей. Тошно от них. Гуляешь по городу – влюбленные пары пьют кофе в кафешках, поглаживают друг друга по разным местам. И, конечно, с круассанами. Пьешь в баре, а они уже тут как тут. Вбегают

с улыбками победителей, и жизнь вертится возле них. Гладкая, как такса.

– А в Венеции не так?

На Берте было красивое платье. Темно-зеленое с открытыми плечами. Она откусила кусочек круассана и отодвинула тарелку. В ту же секунду столик атаковали воробьи. Храбрая лохматая банда.

– Такие же и мы. Набрасываемся на чьи-то остатки. Наглые берлинские воробьи.

– Не спорю, – сказал я.

Я еще долго трепал языком – больше для себя, чем для нее. И, потом, не уверен, что Берте было интересно слушать мое нытье. Но страшно хотелось выболтаться. В конце концов, я не плакал и не жаловался.

– Слушай, а поехали ко мне! – сказала она.

Мы сидели в ее квартирке на Kurfuerstendamm, ели черешню на балконе и швыряли косточки в прохожих. Я попал в расфуфыренную блондинку, которая гуляла с каким-то индусом. Она еще долго ругалась на немецком. А индус смотрел на нее и смеялся.

И я, наконец, понял, что такое раздельное питание.

Это когда он и она едят отдельно. За разными столиками. В разных ресторанах. В разных городах. В разных странах. На разных планетах.

Полиэтиленовый футбол

В футбол каждый из нас играл по-своему. Я любил быть защитником. Мне нравилось «накрывать» нападающих и перехватывать передачи.

И еще я обожал бить «пыром» от своей штрафной далеко к чужим воротам – там всегда где-то был Тамик в своем неизменном «петушке». И даже если играли баскетбольным мячом (а в школе почему-то мы обычно им и играли), Тамик бесстрашно подставлял голову и почти каждый раз забивал.

Тамик и сейчас не гигант, а тогда уж и совсем был маленьким. Но именно он лучше и чаще других бил головой. Однажды зимой мы резались с «А» классом, и я решил подать угловой. Тамик как ни в чем не бывало болтал в центре поля с Парамоном. Я разбежался и пульнул мяч в район одиннадцатиметровой. Тамик ворвался, нет, влетел в штрафную и кивком головы вонзил мяч в нижний угол ворот. Эх, видели бы вы тот гол!

А Сос (Мамсур), будучи творческой натурой, к футболу относился безразлично. Обычно он висел на перекладине, пытаясь отбить мяч ногами на лету. У него это редко получалось, но в одном Сос был королем – время от времени он незаметно доходил до чужих ворот и как бы между прочим предлагал смениться голкиперу соперников.

– Иди побегай!

Именно благодаря такому хитрому трюку мы успевали забить два-три гола в пустые ворота. А Сос, прислонившись к штанге, ехидно ухмылялся.

Еще мы придумали свой футбол. Полиэтиленовый.

Началось это, кажется, осенью в восьмом классе, когда Черчес смастерил маленький мяч из тетрадных полиэтиленовых обложек.

Мы играли пара на пару, или в «звездочку», или в «триста», а позже резались по-настоящему на двое ворот в широких коридорах правого крыла, где полы начищались мастикой.

Последние два года мы вообще не учились – пропускали уроки, потому как в такие часы никто не мешал нам играть.

Лучшим был Черчес. Он славился фирменными резаными ударами. Мамсур отдавал ювелирные передачи пяткой между ног. Ну а Тамик даже здесь умудрялся забивать головой.

Учителя закрывали глаза на наше полиэтиленовое безумие. А добрейший директор Борис Ефимович только раз выразил свое недовольство. Как-то, в конец обнаглев, мы играли возле его кабинета. Конечно же, во время урока. Он вышел и после небольшой паузы сказал:

– Мальчишки, давайте-ка потише. Голова раскалывается.

Эра «полиэтиленового футбола» закончилась неожиданно и быстро. Мы и сами не заметили, как плавно перешли на теннис.

Но это – уже другая история.

Джигиты ритма

Недавно, возвращаясь домой, я разговорился в маршрутке с пацаном-чеченцем. Все в нем было по классике: битловская прическа, черные с блеском брюки, лаковые длинные туфли, у которых носки такие острые – боишься порезаться. Но вот, что меня поразило – он сидел и читал Ричарда Бротигана. А в таких случаях меня всегда тянет поболтать – Бротигана читают хорошие люди.

Поговорили мы с ним о том, о сем. Он учился в меде, снимал однушку с тремя кумыками на Проспекте Ветеранов, а в тот вечер ехал в «Галерею» устраиваться охранником.

Пацан спрятал книжку в карман и начал заполнять анкету. В пункте «Пол – мужской/женский (нужное подчеркнуть)» он подчеркнул слово «нужное».

И я увидел в нем себя образца 2002-го года. На меня навалили кучу часов на журфаке, а зарплата старшего преподавателя еле покрывала аренду жилья. Поэтому днем я преподавал на факультете, а вечером мчался на Пискаревку. Там в одном из складов я числился ночным грузчиком. А утром мчался в университет, чтобы с умным видом и красными глазами рассуждать о журналистике.

Я редко бывал в своей комнате – спал по два-три часа на складе. Грузчиком, кстати, получал в разы больше, чем за преподавание. В какой-то момент скопилась куча денег,

но я не знал, КОГДА их тратить. И из кармана неизменно торчала зубная щетка.

В целом, жилось неплохо – например, у меня появлялись новые друзья.

Ханна, атташе по культуре финского консульства в Петербурге, была невероятной женщиной с безупречным русским языком и большим интересом к Кавказу. Мы познакомились на каком-то очередном унылом семинаре. С тех пор часто ходили друг к другу в гости. Я – в ее роскошную двухуровневую квартиру на Кировской, она – в мою убогую комнату в коммуналке на Тучковом переулке. Много и эмоционально рассказывая ей о сарматах, аланах, футболе, борцах-вольниках, Гайто Газданове и Валерии Гергиеве, я и сам начинал верить в своеобразие нашей нации. Как-то даже угостил ее осетинскими пирогами. Из-за этих вот треклятых пирогов у нее и всплыла идея новогодней финско-осетинской вечеринки.

Я принял это без энтузиазма и с надеждой, что все в суете забудется.

Но ничего не забылось. Через неделю позвонили из консульства:

– Господин Бекуров, 31-го декабря вы приглашены на праздничный прием. Записывайте адрес.

– Адрес я знаю, но... Извините, а приходиться обязательно?

– Конечно! На приеме будет присутствовать господин посол!

До 31-го декабря оставалось три дня. Я вспомнил о Зауре, который когда-то танцевал в легендарном ансамбле «Иристон». Он с удовольствием согласился поучаствовать.

– Когда мы были на гастролях в Великобритании, потные англичанки целовали наши ноги! – зачем-то вспомнил он.

– Ногти? – переспросил я.

– Какие ногти?! НОГИ! Мы же в чешках танцевали! – резонно парировал Заур. Тут, собственно, следовало бы немного рассказать о Зауре, но в таком случае основная история потеряет какой-либо смысл.

Короче, с танцами я разобрался. Оставалась мелочь – осетинские пироги и арака. Арака нашлась у Соса. Пироги мы заказали в кафе «Три пирога» на Петроградке.

30-го декабря Заур сообщил, что танцевать не будет. Я уже забыл почему, но, в сущности, это не имеет и не имело никакого значения. В тот вечер я чувствовал себя дигорским Талейраном – от моих действий зависела судьба финско-осетинских отношений. Мир висел на волоске.

Я позвонил Азамату. Он учился в аспирантуре журфака и обладал фантастической способностью подписываться на любые сомнительные штуки. Потому что банально стеснялся отказываться. Кроме того, худой и пластичный Азам достаточно органично вписывался в мой концепт вечера. Понятно, что без Заура возникает проблема с танцами. Но есть арака и пироги. Есть неуклюжий я и стеснительный Азамат. Есть Сос, в конце концов. Поэтому в первую очередь следует

напоить гостей, а уж потом показывать танец.

Вечером 31-го декабря в назначенное время я, Азамат и Сос вползли в квартиру Ханны. У нас было семь пирогов, два графина араки и белая волосатая папаха. В зале для приемов накрыли стол с финской едой и напитками, два официанта наливали шампанское в бокалы, из динамиков доносились мелодии Сибелиуса. Над потолком вперемешку были развешаны новогодние гирлянды и флаги Финляндии, России и Осетии. Ханна встретила нас в вечернем платье. Она познакомила меня, Сосу и Азамата с послом, его женой и дочерью Мартой. Я сразу же предложил выпить традиционного осетинского зелья. Гости согласились, и мы пили араку из бокалов для шампанского.

Посол много рассказывал о том, как любит Кавказ. Мы удовлетворенно кивали и пялились на Марту. Она пила минералку.

– Долго еще в Питере будешь? – спросил я ее.

– Ну, мама с папой послезавтра возвращаются в Москву, а я, пожалуй, еще погуляю здесь, – ответила она.

– Бухнем где-нибудь? – влез в разговор Азамат.

– Это свидание? – улыбнулась она. – Посмотрим, я позволю.

К сожалению пришло время танцевать, и мы с Азаматом вышли в коридор.

Хореография заключалась в том, что Сос врубает «Симд», и Азамат плавно на носках как бы выплывает из ко-

ридора. Он совершает несколько кругов, и затем Сос переключает плеер на динамичный «Танец с кинжалами». И тут выпрыгиваю я. Дальше – чистая импровизация.

Что-то случилось с плеером. Сос нажимал на кнопку, Азамат выплывал, музыка вырубалась, и Азамат заплывал назад. Так повторялось несколько раз. Наконец, Сос додумался зафиксировать кнопку канцелярской скрепкой – сказочное осетинское шоу стартовало.

Азамат был фантастичен. Медленно и даже как-то вялостью он нарезал круги в центре зала, его глаза под лохматой папашой выражали, как мне тогда казалось, необъяснимую для скучных европейцев осетинскую ментальность. Его поза напоминала аланского лучника, натягивающего тетиву.

Когда Сос включил динамичный трек, я в широком прыжке вылетел в зал. Это был первый и, надеюсь, последний танец в моей жизни.

Между тем, Азамата уже понесло. В сущности, у него неплохо получались лишь два элемента. Плавное скольжение с расправленными конечностями и динамичная «ковырялка». Однако, Азамат придумал, как мне казалось тогда, тысячи вариаций этих телодвижений. А потому выглядело это, как некий осмысленный хореографический номер, который символизировал историю осетинского народа. Экспрессивность танца выражалась в изменении мимики – от грустного влюбленного Пьеро до потного профессора Хачикяна.

Моя роль заключалась в том, чтобы на контрасте с пла-

стичным Азамкой финны увидели и первобытную составляющую нашей истории. По крайней мере, наверное, в этом и была идея. Я хаотично вертелся вокруг Азамата, представляя себя то красавицей-горянкой, то ревнивым абреком. В голове мелькали кадры из «Фатимы» и «Волшебной папахи», а руки и ноги совершали невообразимые до абсурдности движения, которые не имели никакого отношения к танцам народов Кавказа.

Сос с CD-плеером на коленях следил за реакцией аудитории. Ханна восхищенно наблюдала за Азаматом, ловила каждый его взгляд, а когда он совершил свой фирменный разворот, она захлопала в свои финские ладошки. Азамат приблизился к ней на критическое расстояние и с криком «Асса!» продемонстрировал нечеловеческое сальто назад. Посол щелкнул пальцами. И только Марта скептически смотрела зелеными глазами в пол.

В какой-то момент я, поскользнувшись на зеркальном паркете, плюхнулся на задницу. Марта засмеялась. Я посмотрел на нее таким слегка изумленным взглядом и сказал:

– Если что, это и есть **НАСТОЯЩАЯ** джигитовка!

Была совсем неплохая новогодняя ночь. После танцев мы ели, пили и болтали.

– У вас очень эмоциональные танцы, – сказала супруга посла.

– Еще какие! – согласился посол, проглатывая очередной кусок пирога.

– Жаль, что с кинжалами не получилось, – Азамат разговаривал с Ханной. – Есть у нас такой танец. Танцующий замедляет темп и закладывает кинжалы за ворот бешмета сзади. В это время ему подаются еще два кинжала, которые танцор закладывает уже за ворот бешмета спереди. Затем – еще два кинжала. Так, постепенно у танцора набирается до двенадцати кинжалов – он закладывает их в рот, придерживая зубами, под шапку и так далее. Танцуя, он постепенно сбрасывает кинжалы, вонзая их в землю в шахматном порядке.

– В шахматном порядке? – переспросила Ханна.

– Именно так, в шахматном порядке, – сказал Азамат.

Шутки шутками, а уже в феврале посол отмечал юбилей в одном из кавказских ресторанов Москвы. Ко входу он подъехал на белом коне, в белой лохматой папахе и с накинутой на плечи белой буркой. По рассказам очевидцев, посол исполнял какой-то дикий ритуальный танец, навязчиво называя его «осетинским».

Вот только Марта так и не позвонила. Ни мне, ни Азамату. Ну и черт с ней.

Собака Кошка

Между тем, Гоша Цуциев отдал пас, и я, закрыв глаза, «засандалил» мяч, как мне тогда казалось, в сторону ворот. Здесь, наверное, хотелось бы написать, что «стадион взвыл от восторга», но мы играли на пустыре возле дома. На скамейке у подъезда сидела тетя Зарема и ее внучки – Мадина и Дана.

– Ну ты даешь! – сказала Мадина. И я «давал» – мяч, отскочив от старого каштанового дерева, залетел в «девятку».

– Там тебе, миленький, и место! – Заур Ванеев потрепал меня по голове. Как Виталий Дараселия трепал по лысой башке Давида Кипиани в финале Кубка Кубков против немецкого «Карл Цейсса».

В 1981 году я был Давидом Кипиани, Заур – Виталием Дараселия, Гоша – Хореном Оганесяном, а чехоевский Важик «косил» под Александра Якубика из ташкентского «Пахтакора».

В тот день мы играли против пацанов с Леваневского. На выезде нам обычно «пихали» по десять голов, но дома мы через раз выигрывали. И те победы от их редкости были для нас еще более фантастическими. В такие моменты мы буквально носили друг друга на руках.

Ну а когда проигрывали, уходили в «сады», где у нас был шалаш, свинцовые кастеты из аккумуляторных решеток, са-

мострелы и собака Кошка – лохматая дворняга, охранявшая наши сокровища. Там, в «садах», мы обычно лопали зеленые сливы и раздумывали над тактикой на следующую игру.

Важик предлагал оборонительный вариант – глухую защиту с редкими контратаками.

– Я уже измерял – если будем всемером торчать в воротах, нам никто никогда не забьет.

– А если они будут бить под перекладину? Чучмек, думай о чем говоришь! – обычно отвечал ему Жорик Кантемиров. – Нет уж, только атака, дикое нападение. Как у бразильцев.

– И где твоя Бразилия? – отвечал ему Гоша. – Ну где твоя хваленная Бразилия?

Гоше нравились англичане. В те времена многим нравились англичане. Поэтому-то мы и любили Эрика Амбалова. Нам казалось, он играет по-английски – забивает головой, толкается в штрафной, ну и прическа у него была как у Брайана Робсона.

Иногда Эрик заезжал к нам во двор к своим друзьям. И пока он их ждал, мы показывали ему лучшие финты. Думали, когда-нибудь Эрик обязательно заберет кого-то из нас в «Спартак». А там – Арсен Залеев, Калинин Степанян, Юрий Секинаев!

Черт, как же мы их любили! И даже когда они вчистую проигрывали на выезде какой-нибудь рижской «Даугаве» или «СКА-Карпатам», мы точно знали – дома они разнесут любую команду. Никогда не забуду, как наши «возили» сбор-

ную Алжира, которая только-только отыграла на испанском чемпионате мира. Это было что-то!

Заура убили, Жорик умер, Гоша уехал в Таганрог и спился, Важика катает в инвалидной коляске его старший сын Герман, я...

А где собака Кошка?

Синие губы

По владикавказским меркам он был звездой. Его любили, он собирал зальчики, а в многочисленных кафешках на Проспекте Мира ему наливали бесплатный кофе. По крайней мере, ему самому казалось, что он звезда. Не какая-нибудь там местечковая белая звезда-карлик, а настоящая межгалактическая рок-звезда. А когда тебе что-то кажется, так оно и есть.

Обычно Бэвид бродил по центру с гитарой. Иногда встречал друзей и выпивал с ними по стаканчику-другому в бельгийском баре возле парка. Но чаще – шатался без дела и пел свои и чужие песни на улицах.

Вот и в тот день он дополз до памятника Коста напротив Дома Искусств. Певец униженных и оскорбленных, как всегда, сидел на скамейке и холодным взглядом наблюдал за жизнью маленького провинциального города. Бэвид сел рядом и заиграл незамысловатую песенку о Зигги Стардасте, но только на осетинском. Он перевел оригинальный текст еще вчера и вот сейчас решил поделиться этой радостью с Коста и горожанами.

Пелось легко и беззаботно, люди то и дело останавливались рядом, дети нагло смотрели в глаза, а собаки вынюхивали чьи-то следы на подошвах его потрепанных «адидасов».

На последнем аккорде визуализировалась пара предан-

ных слушателей – худой и толстый полицейские. Но хлопать они не собирались.

В отделении было душно и пахло прогнившей преступностью. Худой полицейский сразу же начал заполнять какие-то бумаги, а толстяк предложил Бэвиду вытащить из карманов личные вещи. Через полминуты на столе лежали: губная гармошка, медиатор, блокнот, жвачка, две смятые сторублевки и монеты. Тут-то и началась экзистенциальная пьеса.

– Осетин? – небрежно спросил худой полицейский.

– Угу, – ответил Бэвид.

– Шашлыков? Буа-а-а! Откуда ты такой? – подключился толстяк.

– От папы, – сказал Бэвид.

– А папа кто?

– Папа? Инал. Инал Шашлыков из Батако.

– А тебя как зовут? Фыдчин? Буа-а-а! – продолжал хохмить толстый полицейский.

– Бэвид.

– Дэвид? – спросил худой.

– Бэвид. Бэвид-Доуи.

– Как-как? – разозлился толстяк.

– Бэвид-Доуи Шашлыков, – ответил Бэвид.

– В смысле? Реально по паспорту?

– Ну вот же – смотрите!

– Имя отец придумал? – строго спросил худой полицейский.

– Не отец, а Папа. Он Боуи любил.

– А сейчас не любит? – спросил толстяк.

– Папа умер. Два года назад. А вас я знаю – вы на Леваневского живете, напротив нашего дома. Мы с вашим сыном Зауром в одном классе учились.

– Где ты, а где – Заур! – сказал толстяк.

– Гитара твоя или украл? – спросил худой.

– Папина.

– Шмаль есть? – не унимался толстый полицейский.

– Шмаль?

– Целку из себя не строй! Наркотой, спрашиваю, балуешься? В глаза смотри!

– Не, только пью. И песни сочиняю. Вот сегодня одну написал. Хотите сыграю?

– Иди-ка ты... Доуи! И чтобы возле Коста тебя больше не видели! Понял?

В двадцать первом веке только и остается, что понимать полицейских и шляться по улицам. Нет ни космолетов, ни реактивных ранцев. А вчера вот по телику сказали, что и космоса-то на самом деле нет.

Возле пиццерии узкую полосу тротуара перекрыл человек-пицца: он раздавал флаера и заигрывал с прохожими. Вот и сейчас, увидев грустного рассеянного Бэвида, человек-пицца раздвинул руки для веселых объятий. Бэвид пытался его обойти, но «пицца» была неумолима и храбра.

– Ну нет, пожалуйста, только не это! – сказал Бэвид.

С парусинового лица человека-пиццы не сходила дебильная улыбка – это и понятно, костюм не предполагал депрессивного настроения.

– Ну ладно, – Бэвид сдался и обнял человека-пиццу. – Вот так, вот так...

В три дня в кафе на Ленина он встречался с Экой. Эка – как обычно говорят в таких случаях, его бывшая девушка. Ну или не бывшая, а, скажем так, ускользящая девушка – тот промежуточный вариант, при котором каждый ждет друг от друга решительных поступков и боится первым признать окончательный разрыв.

Они пили кофе, и Бэвид рассказывал о своих племянниках.

– Дина вчера играла с воздушным шариком. Ну он и лопнул. Она рыдала полдня, представляешь! Сначала я подумал, что бедняжка испугалась. А оказалось, что ей жалко, что шарик умер. Понимаешь, УМЕР – не будет его больше!

– Ну а ты? Надул бы другой, – вяло сказала Эка.

– Я так и хотел! Так и хотел! Но Дина сказала, что это будет уже ДРУГОЙ шарик.

– И что ты в итоге придумал?

– Я? Ничего. Завтра – похороны. Списки составлять не будем. Придут только те, кто хочет. Я закопаю резиновые остатки в палисаднике возле дома. Сниму шляпу и, глубоко вздохнув, скажу: «Шарик прожил короткую, но достойную жизнь...»

– Песню еще не придумал? Про шарик? Ну, там – «шарик лопнул как любовь – нет ни музыки, ни слов...»

– Неа, я другую песенку придумал! Про тебя. Про нас. Про синие губы. Помнишь, как в детстве у нас ВСЕГДА были синие губы! Сейчас сыграю! Это бомба!

– Нет, давай сегодня без бомб и синих губ как-нибудь. И вообще допивай свой кофе и уходи, – холодно сказала Эка.

– Зачем?

– Затем, что ты мне надоел. Я устала. Понимаешь, УСТАЛА. У меня куча вещей, от которых раскалывается голова. А тут еще ты и твои никчемные песни.

– Я спрашивал, зачем допивать кофе, – сказал Бэвид, оставил на столе две мятые сторублевки и пошел к выходу.

Синие губы. Вот эти синие губы, которые были в детстве. Ну, когда мы до одури болтались в море, не слушая маму. А потом наконец нехотя выползали из воды с гусиной кожей, синими-синими губами и кутались в полотенца. Где они теперь, ЭТИ губы? Вроде как и вода морская так же холодна, и с ветрами полный порядок, а синих губ уже нет. Вымерли как динозавры синие губы. Хоть полдня торчи в море или даже океане – не будет больше таких губ. Разве что после тутовника. Или когда умрем. И то – не факт.

Вечером Бэвид был на репетиции группы «Конквистадоры». Их «точка» находилась в полуподвальной студии Кукольного театра. «Конквистадоры» были легендой осетинского рок-н-ролла. В начале двухтысячных они даже за-

писали полноценный магнитоальбом, пытались зацепиться в Москве и имели настоящего продюсера в лице бывшего борца-вольника Кочи-Кударца. Потом, конечно, Алик, Алан, Тима и Тохс повзрослели, но тем не менее два раза в неделю они собирались в студии, чтобы побренчать в свое удовольствие. Обычно на репетиции приходили их старые поклонники и друзья, тогда музицирование плавно переходило в будничную попойку.

Бэвид пришел как раз в тот момент, когда «Конквистадоры» играли «Криденсов». Вообще их трек-лист восхищал стабильностью – «Дайер Стрейтс», «Доорз», «Пинк Флойд», «Битлз» и, конечно же, «Криденс Клиауотер Ривайвл». От такого репертуара у Бэвида скручивало ноги, но после пары стаканов становилось терпимо. А здесь парой стаканов обычно не ограничивались.

– У тебя какой строй гитары? – спросил Алик. Он играл на басу.

– Рабовладельческий, – ответил Бэвид.

– Ну и чего приперся, рабовладелец? – барабанщик Тохс накрывал на стол.

– Песню хотел бы сыграть. Новую. Про синие губы.

– Ну, млядь, Ник Кейв хренов, – съязвил Тима. В «Конквистадорах» он был вокалистом и основным шутником.

– Какая гармония? – Алан подключил гитару к усилителю.

– Там обычные аккорды, – Бэвид расчехлил свою «акустику» и пододвинулся к Алану. – Сначала босяцкий, потом

«лесенка» и последний G.

– G или D? G как говно? – Алику нравилось разговаривать в таком стиле.

– Как говно, – подтвердил Бэвид.

– Давай попробуем, – Тохс разлил водку в пластиковые стаканы.

Выпили за бога, потом за рок-н-ролл и телок. И только после третьего тоста Алан взял гитару, и Тохс сел за барабаны. Алик с Тимой ушли курить. Бэвид настроил бас и посмотрел на Алана.

– Начнем? – спросил Алан.

Бэвид кивнул, и Алан заиграл вступление. Тохс бочкой и хай-хэтом отбивал диско-ритм. Бэвид вступил на четвертом аккорде. А потом пришли девчонки, и началась гулянка. О песне Бэвида все забыли, но и он особо на эту тему не заморачивался.

В трамвае было пусто, и от этого – уютно. Старенький чешский вагон медленно полз в сторону ЦУМа, а Бэвид сидел у окна и рисовал губы на запотевшем стекле. Потом он вспомнил о Чере, у которого на БАМе в однокомнатной квартире была студия. Наш герой быстро нашел его номер в своем телефоне.

– Слушай, Чера, ты у себя? Тут такая штука – хочу песню записать. Что? Деньги? Не, денег нет, думал гитару продать и... Ну свой акустический «Орфей». Что? 3 часа в студии

за такой прекрасный инструмент? Ну ладно, ладно... А если я сейчас к тебе припрусь? Конечно, уже бегу!

В клуб Бэвид ехал на такси. Ему хотелось успеть к танцам. Обычно ближе к десяти диджей Бат (Батик Секинаев) начал свой сет – вот он ТВОЙ звездный час, Бэвид-Доуи Шашлыков! Диск с записанной песней лежал в кармане пиджака, и от него по телу расплзалась вселенская теплота.

– Офигенная у вас тачка, – Бэвид решил первым заговорить с таксистом.

– Еще бы! – с удовольствием подхватил таксист. – Нравятся «япошки»?

– Не, это я так – для поддержания разговора, – ответил Бэвид.

– Жопу на уши натяни для поддержания разговора, – таксист сплюнул на пол и наконец включил «дворники».

«Что же вы злые-то все такие», – подумал Бэвид, но таксисту так ничего и не сказал.

Батик постучал в микрофон и объявил:

– Друзья, у нас сегодня премьера! Сногшибательный зубодробительный хит Бэвида-Доуи «Синие клубы»!

– Губы! Синие ГУБЫ! – Бэвид сидел за баром и после этих слов немного приподнялся и кивнул головой, чтобы все поняли, что вот он здесь. Но никто и не собирался на него смотреть.

С первых аккордов люди с кислыми лицами (как будто им принесли соленый чай) один за другим потянулись к своим столикам. Девушки недоуменно размахивали руками. Еще не закончилось инструментальное вступление, а на танцполе уже никого не было.

В зал вбежал администратор и завопил:

– Батик! Я его рот – выключи эту херь!

Бэвид и Батик вышли на улицу покурить. Батик глубоко затынулся, выпустил дым в беспечное владикавказское лето и сказал:

– Бэйв, братан, извини – ты же сам видел, НИКТО НИЧЕГО не понимает в этой дыре. Бухло, пироги и дыц-дыц-дыц – вот и все, что им интересно.

– Именно в таком порядке? – безразлично спросил Бэвид.

– Более-менее, – ответил Батик.

Библиотеки

Кажется, в седьмом классе Сос «подсадил» меня на чтение книг в читальном зале Республиканской научной библиотеки.

Обычно мы уходили туда днем в воскресенье. Маме я зачем-то врал – говорил, что идем гулять в парке.

По тем временам библиотека на улице Коцюева была суперсовременным «модерновым» зданием. И там всегда было уютно. Летом – прохладно, зимой – тепло. Большие покрытые зеленым сукном столы в читальном зале художественной литературы. Мы садились где-нибудь в центре – читали, а в перерывах разглядывали людей или болтали о книгах.

Сос тогда увлекался «Мастером и Маргаритой» и стихами Арсения Тарковского, а мне в один из таких воскресных дней посоветовал почитать маленькую книжку под названием «Над пропастью во ржи».

Я пытался «растянуть» ее на месяц-другой и каждую неделю только и ждал воскресенья, чтобы снова прийти и почитать еще немного о Холдене Колфилде.

Никогда не замечали, как поднимается (ну или, скажем, меняется) настроение после просмотра хорошего фильма или, например, после прочтения НАСТОЯЩЕЙ книжки? Идешь по улице, и мир уже кажется немного другим. И ты думаешь, что знаешь о нем немного больше, чем остальные.

Обманчивое, конечно, ощущение, но... – какое есть.

Позже я обнаружил фантастический зал иностранной литературы на третьем этаже, где зачитывался антологиями американской и английской поэзии. А напротив «иностранки» был зал с виниловыми пластинками и проигрывателями. Стыдно писать об этом сейчас, но я стащил оттуда тонны записей. Искренне считал, что кроме меня никому они не понадобятся. Прятал пластинки под свитер. Тогда казалось, что я ловко обманывал библиотекаря, но, конечно же, они все видели и замечали. Я входил в библиотеку щуплым «додиком», а выходил королем – с широким с квадратным прессом животом.

Потом я «открыл» для себя юношескую библиотеку на Проспекте Мира. Там были добрые библиотекари, которые постоянно советовали каких-то авторов и с удовольствием искали те книжки, которые интересовали меня.

Например, однажды Анна Борисовна вручила мне сборник прогрессивных американских писателей за 1979 год, в котором среди типичной для тех времен назидательной «шелухи» был рассказ (точнее, отрывок из романа «В дороге») Джека Керуака. Я как раз прочитал о нем в журнале «Ровесник».

Если честно, для меня странно, что до сих пор существует дурацкий стереотип библиотекаря – таких скучных уродливых «синих чулков». В моей жизни они были красивыми и умными.

В юношеской библиотеке я, кстати, тоже «тырил» все, что попадется. Иногда мне кажется, что когда я умру, там на небесах, душу мою будут судить святые библиотекари.

Подростками мы воображали, что играем в рок-группе. Как «Битлз» только без четвертого человека. Сос даже слепил из пластика большие тяжелые медальоны: себе – с фоткой Леннона, Тамику – с Маккартни, а мне почему-то достался Ринго Стар. Мы носили их под рубашками. Даже в школе. Хорошо, что одноклассники об этом не знали. А то засмеяли бы до полусмерти.

Задолго до этого мы с братом любили заходить в районную детско-юношескую библиотеку рядом с домом. Она располагалась в большом деревянном доме посередине соснового сквера. Когда мне было десять, сквер и дом снесли и построили очередную унылую «пятиэтажку» с библиотекой на первом этаже со стороны улицы Кольбуса. Там тоже был небольшой читальный зал, но обычно мы брали книги на дом – библиотекариша очень любила Аслана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.